

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
ӘЛ-ФАРАБИ АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АЛЬ-ФАРАБИ

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

«МЕДИАБІЛІМ БЕРУ ЖӘНЕ КИБЕРӘЛЕУМЕТТЕНУ»
атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция
МАТЕРИАЛДАРЫ

25 ақпан 2014

МАТЕРИАЛЫ
международной научно-практической конференции
«МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ И КИБЕРСОЦИАЛИЗАЦИЯ»

25 февраля 2014

MATERIALS
of the international scientifically-practical conference
«MEDIA EDUCATION AND CYBER SOCIALIZATION»

February 25, 2014

Алматы
«Қазақ университеті»
2014

Ғылыми редакторлар:

филол.ғ.д., профессор *Әбдиманұлы Ө.*
филол.ғ.д., профессор *Шыңғысова Н.Т.*

Жауапты редактор

филол.ғ.к., доцент *Аргынбаева М.*

Техникалық редактор

Мамырова К.С.

«**Медиабілім беру және киберәлеуметтену**» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. 25 ақпан 2014 ж. жауапты ред. М.Х. Аргынбаева. – Алматы: Қазақ университеті, 2014. – 251 б.

ISBN 978-601-04-0341-3

Бұл ғылыми еңбектер жинағына Қазақстандағы медиасауаттылық және журналистік білім берудің өзекті проблемалары, білім беру, ғылым және өндіріс: ықпалдасу жолдары, барлық деңгейдегі орта және кәсіптік білім беру жүйесіндегі медиақүзіреттіліктің дамуы, медиабілім беру және қоғам, ҮЕҰ-ның медиабілім беруге қосқан үлесі, әлеуметтік мәдени өртүрлілік: ұлттық бірегейлікті сақтау мәселелері туралы жазылған ғылыми мақалалар енгізілді. Ғылыми жинақ PR-мамандарына, журналистерге, ізденуші ғалымдарға және көпшілік оқырманға арналған.

МАЗМУНЫ

Абдиманұлы Ө., Аргынбаева М.Х.	
Мифологическое пространство повести Оралхана Бокеева «Крик».....	7
Жумагельдиева Г. А.	
Профсоюз – моя жизнь!	10
Сулайманова Р.Т	
Поздравление	12
Ахметова Л. С.	
Группа в Facebook «Media and Information Literacy»: краткий обзор	12
Козыбаев С.К.	
Развитие средств массовой информации Азербайджана	15
Козыбаев С.К.	
Горение	21
Нургожина Ш. И.	
Проблемы партнерства в информационной бизнес-среде	22
Sgyngyssova N.	
Trends in the development of regional periodicals of Kazakhstan	23
Султанбаева Г. С., Велитченко С.Н.	
Страновой брендинг Казахстана как воплощение онтологического потенциала духовных ценностей интеллектуального общества.....	25
Туменова Б.	
ОФ «Аман-саулык» и СМИ: опыт взаимодействия.....	29
Садыков С.	
Журналистика Казахстана в годы независимости.....	30
Аблаева Г.К.	
Профсоюз и его взаимодействие со СМИ	32
Садыков С.	
Проблема национальной самоидентификации в печати Казахстана в период создания советской модели национального государства.....	35
Барлыбаева С.Х.	
Социокультурное многообразие массовой коммуникации	41
Әбдиева Р. С	
Медиабілімді дұрыс қабылдаудағы тәрбие мен оқытушының ықпалы	44
Абдраев М.К.	
Телехабардың ақпараттық сипаты	47
Абдиева Р.С., Болатова Ж.	
Баспалық жаңа жүйелер технологиясымен оқыту.....	50
Ахметжанова А.Т.	
Патриотами рождаются.....	52
Абилхасимова Б.Б.	
Идеологема противостояния в демагогических текстах языке революционных газет Казахстана	54
Акчалов Е.Е.	
Наука плюс СМИ: пути интеграции	58
Альжанова А.Б.	
Современный мониторинг прессы как результат event-мероприятий	61
Аубакирова Ж.Я., Айтбембетова А.Б., Дуламбаева Р.Т.	
Инновации в сфере образования: ключевые приоритеты	63
Бакеева М.К.	
Традиции ВГИКа в преподавании творческих дисциплин	66
Байгожина Д.	
PR индустрия және жаһандану аспектілері (Қазақстан және шетел мемлекеттері).....	68
Велитченко С.Н.	
Роль СМИ в формировании имиджа независимого Казахстана.....	72
Губашева Д.Т., Абилдаева Г., Ахметов Е., Баймагамбаева М.	
Сравнительно-сопоставительный анализ зарубежных и казахстанских web-журналов.....	75
Досан Баймолда	
Ұлттық идея және Қазақ тілді шетел радиолары	78

Абдиманулы О.,
доктор филологических наук,
профессор КазНУ им. аль-Фараби,
Аргынбаева М.Х.
кандидат филологических наук,
доцент КазНУ им. аль-Фараби

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОВЕСТИ ОРАЛХАНА БОКЕЕВА «КРИК»

Казахскую литературу XX века необходимо исследовать в рамках научной парадигмы, в которой не разграничены философия, литература и теория литературы, в которой представлен сравнительно-сопоставительный анализ художественных и философских текстов, и где классические философские проблемы выступают как неотъемлемый и полноправный аспект анализа казахского литературного текста, написанного в период 1970-1980-х годов.

Проза Оралхана Боксева (1943-1993) как нельзя более открыта для философского ее анализа. Все сплетено в мощном органичном построении произведений писателя – сюжет, философские монологи, характеры героев, их поступки и ситуации, в которых они бытийствуют. Определение интеллектуально-эмоциональной стороны творчества О. Бокеева как инстинктивно-экзистенциалистской обусловлено выбором определенного героя (одиноким человек - Чабан, Табунщик, Человек-олень, Конкай, Ерик), определенной ситуации (одиночество как экстремальная ситуация, ситуация выбора), повторяемостью мотивов, судеб; Бокеев разыгрывает «общечеловеческую мифологическую драму с последовательным и строго методическим использованием определенной системы лейтмотивов»[1]. Недаром писатель циклизует свое творчество, объединяя повести под названиями: «Диптих «Это было зимой», «Три повести», а рассказы называет «Истории аула».

А. Лосев так определяет мифологическое произведение: «Сюжет подлинного художественного произведения должен трактоваться в настолько обобщенной форме, чтобы речь шла не только о мелочах бытовой жизни, но о предельном обобщении всей человеческой жизни, взятой целиком... подлинное художественное произведение всегда есть произведение мифологическое». Мифологическая же направленность прозы О. Бокеева очевидна. О. Бокеев поставил задачу «понять бытие». А это ... есть «признаки мифологического мировосприятия, которое и хочет возродить Хайдеггер, как самое изначальное (мышление), но вытесненное современным научным мышлением», - так определяют философский метод познания М. Хайдеггера. Итак, миф, или мифологичность, есть сама мысль-согласие-мир, есть расспрашивание, допытывание, «в урочный час эта отзывчивость (осмысление как отзывчивость) утратит характер вопроса и станет простым сказом». Вначале вопрос, потом мысль (отзывчивость), затем – простой сказ. Каков человек О. Бокеева? Он постоянно в процессе расспрашивания: одинокий человек «погружается в мысли», «уходит в думы», его человек, постоянно думающий, похоже, даже грезящий, а скорее, медитирующий, - что же есть его жизнь, что есть он сам, для чего он живет, зачем и почему смерть? А мир ждет ответа человека, чтобы безразличное – различилось, «несбывшееся – сбылось». Вопросы человека – как отзывчивость его на мир. Возникает мысль. Так создается миф. Так создается мифологическое пространство прозы О. Бокеева.

В повести «Крик» писатель представляет человека в мире, который не индифферентен ему, он постоянно во взаимодействии с человеком. Мир напряжен в противостоянии человеку: «он как пловец в вязком, ревушем, кипящем белом океане. Крошечный человек, затерянный в безграничном. И будто бесясь, что ее страшные тиски не валят и не добивают на земле это упрямое существо, стихия, стена и ревя как дракон, нападала все снова и снова», «Человек ей не нужен; может, даже она все время ищет повода, чтобы избавиться него навсегда». Но невозможно бытие одного без другого: «человек соединен с землей навечно, потому что родился на ней». Человек – необходимое, может быть, даже любимое, но слишком жаждущее самостоятельности, порождение мира. А «огромным прекрасным миром владеет Тот, который желает своей земле счастливого сна». Казалось бы, идиллическая картина почти семейного счастья.

Но только в детстве, пишет Бокеев, человеку доступно это единение, да и то крайне эсхатологическое: «в те далекие времена я ощущал этот миг всякий раз, и он остался со мной навсегда, ... миг, словно предвестник или моментальный снимок какого-то грядущего светопредставления. На высочайших вершинах Алтая загоралось трепещущее пламя, а западный

горизонт становился похожим на окровавленное огромное око, око матери-земли, плачущей по своим несчастным детям: красно-бурые горы колыхались, будто трепеща в чьем-то страстном объятии».

Человек затерян в «огромном орущем мире» и «небо ему недоступно» и каждый раз человеку необходимо сообщать «всему миру и недоступному небу, что он жив, не исчез, не сгинул в горах, не затерялся в долинах, что не поглотили его ни быстрая река, ни узкое ущелье».

В ауле живет человек по имени Аспан. Когда-то он, проходя через Чертов мост, попал в снежный обвал, и потерял ноги. Его сын, которого автор называет то Аманом Тенгриновым, то Аманом Аспановым, по какому-то долженствованию идет по этому Чертовому мосту. Это был день судьбы. Вот и вся сюжетная канва. Но все это – поступок Аспана как выбор изначально долженствующий и выбор его сына Амана – есть тот экзистенциальный прорыв в суть бытия и утверждение подлинного бытия, есть бытие сознания. Автор медитирует о сплетении добра и зла, о выборе, о судьбе, о смерти.

У Бокеева два представления о судьбе: первое как «власти некоей безличной силы», второе как «осуществления личного повеления, установления, волеизъявления» самого человека, эту власть принявшего. В обоих случаях судьба ассоциируется со смертью, смерть является предопределенной. Перед нею все равны. Смерть как бы обезличивает всех. Но, сознавая себя зависимым от воли божества, человек, тем не менее, «открывает в себе самом духовный принцип, который побуждает его принимать свободные решения и который ведет его через события». Идея предопределения состоит в том, что «судьба человека, т.е. весь его жизненный путь, и в особенности завершение этого пути – смерть, определяется при его рождении, наперед, так что это оказывается предопределением. Значит, судьба – это жизненный путь человека от начала до конца, от рождения до смерти, весь жизненный путь как нечто целое, завершенное, единое. Больше всего впечатляет то, что судьба назначается человеку при рождении, а определению его смертного часа придется такое исключительное значение, что зачастую судьба понимается прежде всего как именно предопределенная смерть».

Что пишет Бокеев? Когда Аспан, вырвавшись из плена снежной лавины, почти умирал в плену у стужи, к нему явилась птица-девушка и запела. Она «запела о том, что как сыны человеческие не могут выпросить у бога счастья, так не могут выпросить и смерти, если не пришел назначенный им час. «Умрет только тот, кого поджидает смерть. Еще не исчерпались ни хлеб твой, ни соль. Еще не допил ты до конца чашу своих мучений».

Перед смертью же все равны: «Какая разница между смертью великого ученого или честолюбивого политика или смертью простого табунщика? ... Их разнит только жизнь».

Судьбу нельзя обмануть, у судьбы невозможно просить пощады, она неумолима, - так определяет понятие судьбы писатель: «На эту улыбку смотрела до рассвета луна, смотрели утесы, смотрела звезда Сюмбле и, может быть, еще Кто-то, кого не дано видеть, но чье имя известно и называется смертными Судьбой». Итак, судьба – это еще и Свыше, это Божественное предопределение человека. Сотворение человека идет от Бога, который все определил до его рождения – его путь и его смерть.

Интересна идея бокеевского мироздания. Мать – земля («око матери-земли, плачущей по своим несчастным детям»), отец – небо («огромное, исколотое звездами небо почудилось рябым лицом отца, склоненным над ним в детстве»), и «спал человек в чистой колыбели из снега». Колыбель – это рождение и жизнь, но она из снега. В бокеевской мифологии снег – это зло, смерть. Значит, человеку уже от рождения суждена смерть, жизнь – это путь к смерти. В начале повести автор представляет «аул мертвых», так называет он кладбище, холм, который «не был огражден, он принадлежал всей земле и был доступен всем ступающим по ней». Это метафора того, что никому не избежать смерти, ей подвержены все.

Человек трагически одинок: и небо и земля словно задалась целью погубить его, но человеку от рождения дана сила и возможность выстоять и крикнуть «недоступному небу, что темная земля не поглотила его». Эта сила – его душа, которую вдохнул в него Тот, кто смотрит на него сверху, со всех сторон и всегда. Недаром героя зовут Аспан – что значит Небо, а сына Аман – что значит Оставшийся, Живой, Здоровый, и фамилия его двойная – Тенгринов (в тюркской религиозной традиции Тенгри – это Бог, это Небо) и Аспанов (казахское слово Аспан - Небо). Но душу (дух) необходимо постоянно держать «в пути», т.е. находиться в постоянном прикосновении к Бытию. Отсюда исходит готовность к поступку как следование пути (судьбе).

Судьба Аспана оказалась также в том, что его сын должен пройти его путь. Не страшась повторения, ибо «судьба отца священна». Потому можно надеяться, что и Аману не подошел срок, и он перешел мост и остался жив.

Символическая деталь: день судьбы пришелся на тот день, в который отец переходил Чертов мост, пришелся он также и на Новый год. Новый год – это обновление жизни, а мотив, что Аспан потерял ноги, как бытийственную сущность, есть мотив раздвоения добра и зла, которое, наконец, свершилось. А. Акишев пишет в книге «Искусство и мифология саков»: «Композициям с мотивом растерзания (разрубания, раздвоения) издревле приписывались магические свойства. ...В борьбе создан мир» [2]. В борьбе добро победило, жизнь обновилась. Следовательно, бытийственная (социальная) суть есть зло. Зло в повести и люди, которые следуют именно за бытийственным, «богатея, жирея и поигрывая палками над головами земляков». М. Хайдеггер писал о «целительном зле», но сейчас остановимся на исследовании Н. Кирабаева «Идея совершенства человека в этике Аль-Газали». Обращаясь к этическим принципам исламских суфиев, Н. Кирабаев пишет, что по суфийской традиции «зла нет, как чего-то существующего объективно, онтологически. Поэтому все, что творит Бог, есть добро. Зло же существует по видимости. Это некая форма, за которой скрывается универсальное благо. Страдания, несчастья, переполняющие человеческий мир, являются всего лишь средствами для наставления на путь истинный»

[2, с.89]. Так Аспан был наставлен на магистральный путь – путь Духа.

Мост – «единственный путь к жизненной насущности», пишет О. Бокеев, он утверждает мост как символ вечного утверждения главной составляющей жизненной насущности – связи человека с другими людьми. Так преодолевается экзистенциальное одиночество человека, правда, это преодоление является дискретным, постоянно повторяющимся в жизни каждого человека, каждого поколения людей.

Мост – это еще символ постоянно возобновляющейся жизни. «Древнее мифологическое сознание опиралось на представление, - находим в книге «Проблемы философской методологии», - что мир как таковой существует благодаря жертве и что его жизнь должна постоянно возобновляться благодаря регулярным жертвоприношениям»[3]. Человек должен идти через мост, зная, что за ним смерть. Аспан же только лишился ног, точно принес жертву ради продолжения жизни: «Злая сила, направляемая каким-то невидимым врагом с юго-запада, взяла власть над миром и носилась по ложбинам и ущельям, отыскивая жертву». Жертва была принесена и «белая река поглотила Чертов мост», зло исчезло, победило добро. За выбором, за жертвой стоит жизнь.

В истории человеческой мысли, оформленной мифологически, одним из главных является миф о спасении через жертву. Итак, безногий Аспан является символом победы добра и символом жертвенного искупления как необходимого условия победы добра.

У Бокеева мы наблюдаем параллельность существования мира и человека, не приходящую по собственному разумению к взаимодействию. Но если появилась возможность помочь (и Аспан и Аман отправляются через мост, чтобы помочь людям, попавшим в ловушку бурана), то это взаимодействие происходит. Но происходит опять-таки через Нечто, например, к Аспану прилетает Дева-птица.

Птица – «общечеловеческий символ неба и солнца», - пишет А.К. Акишев. Далее: «Птицы сидят на вершине Мирового дерева и обозревают весь свет и фиксируют течение времени». Птица-дева появилась, когда забилось сердце Аспана, «его удары отсчитывали время, бесконечное время». Космогоническая роль птицы бесспорна, вызванная в галлюцинации между сном и явью, она «создавала иллюзию полета к духам верхнего мира, на небо»[2, с.42], - и ее-то А. Акишев и О. Бокеев видят совершенно одинаково. Птица-дева – весть о том, что Аспан не забыт, что он спасен. Она пела: «Отец твой назвал тебя Небом, взгляни на него как высоко оно, как недоступно, но мы все на пути к нему, и первым придет туда тот, кто рассчитался за свои грехи, и тот, кто ослабел душой и не может больше ничем помочь живущим. Еще не исчерпались ни хлеб твой, ни соль».

Понятие души у писателя претерпевает трансформацию – от души, способной к природному перевоплощению, как все в природе претерпевает естественные изменения, до души как Божественного дара, не исчезающего и бессмертного. Аспан, беспомощно лежа в тисках ущелья, пройдя Чертов мост, не имея возможности двигаться, видит медведя. Страх не было. Аспан обратился с просьбой: «О Боже, ...пусть съест меня (медведь), это лучше. И не останется от меня ничего в этом грешном мире, исчезну тихо или превращусь в зверя, съевшего меня, и начну вторую жизнь...»

А. Акишев, исследуя и анализируя уникальные произведения прикладного искусства из Иссукского захоронения Золотого Человека, приходит к изучению мировоззрения, духовной культуры и идеологии саков. Его реконструкция космогонических представлений, мифологии предков казахов – саков является на сегодняшний день наиболее полной и достоверной. А. Акишев пишет: «Пожирание считали равнозначным растворению в Космосе... Библейский герой, скормивший себя голодному льву, был уверен в грядущем возрождении, так же, как в этом были уверены буддийские святые. В среднеазиатских сказках части тела богатырей, пожертвованные птице Семург, имеют способность восстанавливаться. Эти сказки помогают осветить роль зверей, которым зороастрийцы отдавали на растерзание своих покойников»[2, с.49].

Для Аспана пожирание его медведем стало бы актом растворения в мире, символом того, что он принят породившим его миром. И снова Бокеев напоминает, что человек отличен от зверя душой, что «счастливы звери, забывающие своих детей, они не знают, что они смертны, они не знают любви», и человек потому стоит выше, что обладает бессмертной душой, боится смерти, приходит в отчаяние, принимает любовь и заботу. Вот отличительные, сущностные характеристики человека, о которых нам поведала впервые в философских категориях философия экзистенциализма.

По Бокееву и в человеке и в мире заключен древний код познания и человека и мира. Только нужно увидеть его и расшифровать. Мы уже предприняли попытку поиска и расшифровки этих кодов.

В прозе писателя вырастает гора как Мировая гора, деревья могучи, черны, ветвисты и загадочны точно Мировое древо, вокруг летают Девы-птицы, разгуливают Медведи и Олени. Небо смотрит на человека, посылая ему Великий Шум, Великий обвал, буран Великий, великий Крик, Снег обильный, Океан белизны (в данном случае совершенно не имеет значения, какое слово писать с заглавной буквы, каждое из них есть код), указывая ему Путь намеками, снами, видениями. Человек же должен эти знаки принять, настроившись посредством размышлений как медитаций, и понять, исполнившись веры и любви, идти по собственному Пути, «продолжая ту, которой шли старшие, ведь люди не меняются тысячелетиями, просто поколение сменяет новое, другое поколение, опираясь, - пишет Бокеев, - на разум».

Часто Бокеев делает умозаключения, совершенно противоположные тем, к которым он приходит в результате собственной рефлексии на мир. Например, Бокеев пишет, что человек опирается на разум в своем пути. Хотя всей историей пути своего героя указывает на знаки, видения, сны, приметы, т.е. на тайное знание человека, помогающего ему идти по «дороге жизни».

Кажется очень заманчивым, лежащим на поверхности смысла, предположить, что эта повесть есть некое Писание об Отце-Сыне-Духе, но в силу этой заманчивости мы не будем рассматривать эту догадку. «Тайна тогда только тайна, когда не выходит наружу даже то, что тайна есть», - писал М. Хайдеггер.

...Мифологическое пространство прозы Оралхана Бокеева пронизано «расспрашиванием» философской мысли, писатель осуществил «личную задачу» человека мыслящего, «допытывающегося», познавшего Высший смысл бытия.

Список использованной литературы

1 А.Г. Лосев. Философия. Мифология. Культура. М., 1991, с. 298.

2 Н.С. Кирабаев. Идея совершенства человека в этике Аль-Газали. //Философия Зарубежного Востока. - М.: 1986. - 155 с. - с. 51.

3 Л.И. Василенко. О мифологических чертах современных философско-экологических представлений.//Проблемы философской методологии. - М.: 1989. - с. 149.

Жумагельдиева Г. А.,
зам.председателя ФПРК

ПРОФСОЮЗ - МОЯ ЖИЗНЬ!

Женское профсоюзное движение в Казахстане неразрывно связано с именем уважаемого человека – профессором Ахмстовой Лайлой Сейсембековной.